

Грузия и Украина: постреволюционное развитие

Приветствуя участников очередной дискуссии в Южнокавказском региональном бюро Фонда им. Г.Белля, руководитель Фонда господин **Вальтер Кауфман** отметил, что «революцию роз», произошедшую в Грузии, так же, как и «оранжевую революцию» на Украине, следует рассматривать в одном геополитическом контексте. После этого Вальтер Кауфман представил аудитории основных докладчиков: публициста, театрального деятеля, специалиста в области немецко-украинских культурных взаимоотношений господина Вальтера Мосмана и депутата из оппозиционной фракции парламента, члена Республиканской партии Левана Бердзенишвили.

Давид Паичадзе, модератор встречи:

- Насколько резонно говорить о «постреволюционном развитии» на Украине и в Грузии? Быть может, целесообразно было бы вести речь об ожиданиях и надеждах, которыми были проникнуты участники революции. В канун революции несколько неправительственных организаций составили документ под названием «Десять шагов в сторону свободы», но поскольку после революции авторы этого документа оказались в властных структурах, некому было предъявлять претензии за невыполнение «контракта». Если кто-либо из участников дискуссии владеет информацией о том, какие перемены произошли в Восточной Европе после аналогичных революций в конце 80-х годов, то нам было бы интересно получить об этом информацию. Не раз говорилось о том, что Грузия и Украина, хотя и с опозданием, но все же повторили опыт стран Восточной Европы. Я не буду утомлять внимание слушателей перечнем тех демократических институтов, появление которых ожидалось после революции.

Вальтер Мосман:

- Я часто бываю на Украине и хорошо знаком с политической ситуацией в этой стране, чего, к сожалению, не могу сказать о Грузии. Поэтому при оценке событий в вашей стране мне приходится довольствоваться средствами массовой информации. За «революцией роз» я следил по нескольким международным телеканалам и должен сказать, что для европейца в этих событиях было что-то ирреальное. Вместе с тем, меня раздражали некоторые комментарии операторов, в частности, когда они говорили, что революция иллюстрирует противостояние между Востоком и Западом. Получалось так, что будто бы «эпицентр» революции был не в Тбилиси или Киеве, а где-то в Москве, Вашингтоне или Брюсселе.

Революции 89-го и последующих годов были революциями «сверху», свидетельством чего были издаваемые законы и постановления, которые оставались на бумаге. Поэтому то, что позже произошло в Грузии и на Украине, я бы назвал не революцией, а борьбой за гражданские права. Вышедшие на улицу граждане Украины требовали защиты демократических прав: свободы слова, справедливых выборов, разделения власти и так далее. Именно на волне этих требований пришли к власти Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко. Но за революцией последовали обычные будни, во власти оказались разные по своему уровню и профессионализму люди.

Давид Паичадзе:

- Из вашего доклада можно сделать вывод о том, что революция на Украине пустила политический процесс по какому-то руслу. Об этом свидетельствуют опросы, проведенные на Украине. Ни одна партия не выразила претензии в связи с состоявшимися выборами. Партии, которым не удалось преодолеть избирательный барьер, не считают, что выборы были сфальсифицированы. Но давайте предоставим слово нашему следующему докладчику.

Леван Бердзенишвили:

- Я полагаю, что в Грузии произошли две революции. Первая была связана с борьбой народа за свои гражданские права. Поводом для начала выступлений явилась фальсификация выборов. Партии требовали указания точного числа поддерживающих их избирателей. Если бы Эдуард Шеварднадзе принял это требование, то нынешний парламент был бы представлен, в основном, «Союзом граждан» и партией «Возрождение», хотя кроме них в парламенте были бы представлены и крупные оппозиционные фракции. То есть партия «Национальное движение» имела бы примерно такое же положение в парламенте Грузии, какое имеет в украинском парламенте партия Януковича.

Фактически, вторая революция, о которой я говорю, привела к власти те политические силы, которые не достигали победы в масштабе всей страны. В это время на арену выходит «всемирное око» в лице CNN, и грузинский народ под музыку всемирного оркестра включается в игру и ощущает свое гармоническое единство с такими великими понятиями, как демократия, права человека и т.д. Особую роль в революции играли пластические образы, поэтому появился большой заказ на пиар-технологов, режиссеров и особенно операторов. Целью грузинской революции было показать миру, что существует такой глубоко демократический народ с сильными поэтическими и театральными наклонностями.

«Революция роз» была дорогой Грузии в Европу, но никак не революцией, направленной на защиту прав граждан и демократических свобод.

Уходя в отставку, президент Украины Леонид Кучма ограничил права президента по Конституции. В Грузии же президент Эдуард Шеварднадзе незамедлительно передал свои полномочия новому президенту Михаилу Саакашвили. В отличие от Кучмы, он думал лишь о сохранении своего политического лица. Через месяц после президентских выборов шеварднадзевский парламент наделил Саакашвили неограниченными полномочиями.

Опереточный характер нашей революции выразился в том, что мы не получили тех результатов, ради которых она совершалась. Поэтому я считаю, что революция будет продолжаться до тех пор, пока мы не достигнем намеченных ею целей: справедливого подсчета голосов избирателей, признания прав граждан, разделения власти и так далее.

Шалва Пичхадзе, политолог:

- То, что произошло на Украине, я не могу назвать революцией. Там произошли досрочные выборы на фоне многотысячных митингов протеста. Но это все же был избирательный процесс, и все решалось в судах. Таким образом, процессы не выходили за рамки Конституции.

В отличие от Грузии, там процесс передачи власти произошел в рамках Конституции.

Теймураз Антелава, студент юридического факультета Тбилисского государственного университета:

- У меня вопрос к господину Вальтеру Мосману. После «оранжевой революции» ВВП на Украине сократился на 10%. Это, можно сказать, экономическая катастрофа. Как долго народ Украины может питаться одними лишь демократическими идеями?

Вальтер Мосман:

- К сожалению, экономические вопросы не входят в сферу моей компетенции, и я не могу ответить на этот вопрос.

Теймураз Антелава:

- У меня есть вопрос к господину Левану Бердзенишвили. Почему Республиканская партия не забила тревогу в связи с конституционными изменениями сразу же, как только они были приняты?

Леван Бердзенишвили:

- От Республиканской партии в связи с конституционными изменениями официальный протест выразили Тинатин Хидашели, Давид Усупашвили, Паата Закареишвили. В общей сложности материалы на эту тему в грузинской прессе составляют шестнадцать единиц. Но то, что перед выборами мы оказались в одном списке с партией «Национальное движение», объясняется тем, что перед нами стояла тогда общая задача освобождения Аджарии от режима Аслана Абашидзе.

Лела Гаприндашвили, преподаватель Тбилисского государственного университета:

- У меня вопрос к господину Левану Бердзенишвили. Те, кто вполне осознанно поддерживали «революцию роз», сегодня испытывают разочарование, но критический пафос представителей Республиканской партии, мне кажется, основан не на концептуальных расхождениях с правящей партией, а носит, скорее, личный характер. Видимо, республиканцы не получили от властей того, чего ожидали. В этом мнении меня утверждает и то, что критика властей не содержит какой-либо альтернативной программы.

Леван Бердзенишвили:

- После «революции роз» мы получили два места председателей парламентского комитета. Я лично был непосредственным консультантом президента Саакашвили. Но позже по целому ряду вопросов мы разошлись во мнениях. В частности, по вопросу сохранения автономии в Аджарии, выборности мэров и так далее. Так что личных обид тут не было.

Татули Тодуа, студентка:

- Господин Леван, каковы шансы демократии в Грузии?

Леван Бердзенишвили:

- Я думаю, что мы «обречены» на демократию. Другого шанса у нас просто нет. У нас нет таких значительных природных ресурсов, которые позволили бы недемократической власти в течение долгого времени сохранять свое господствующее положение.

Давид Паичадзе:

- Темой нашей следующей дискуссии будет «Соответствие политической практики и политической риторики в Грузии».

Георгий Сиамашвили